

УДК 811.161.1

DOI 10.22213/2618-9763-2024-3-129-136

М. Е. Солодягина, соискатель

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

ДЕВИЧЬИ ПЕСНИ МОЛОДЕЖИ ЖИТЕЛЕЙ ВРЕМЕН 1900–1927 гг. ДАВАТСКОГО СЕЛЬСОВЕТА КОЖУХОВСКОЙ ВОЛОСТИ В ПРАКТИКЕ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УРОЖЕНЦА СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ

Статья реализует проблематику диалектной лингвоперсонологии, в ней решается проблема коммуникативно-речевого портретирования языковой личности Василия Ардальоновича Морозова (1904–1980) на основе лингвистического анализа его рукописного архива и воспоминаний об информанте его детей и внуков. Значительное внимание уделяется рукописному списку вологодских частушек – одной из значительных по объему составных частей исследуемого рукописного архива, имеющей важное значение как для изучения традиционной духовной культуры Русского Севера, так и для описания культурной жизни семьи Морозовых в условиях сельской и городской повседневности. На основе изучения рукописного списка частушек выявляются свойственные автору рукописи отраженные в письменной речи фонетические, лексические и грамматические особенности диалектного происхождения, характеризующие В. А. Морозова как носителя северо-восточных (вологодских) говоров северного наречия русского языка. Список народных песен репрезентирует отличительные черты графики и орфографии автора, с одной стороны, проявляющего предельную аккуратность в изложении фактологической составляющей рукописи, а с другой, допускающего многочисленные орфографические и пунктуационные ошибки, наличие которых обнаруживает явный недостаток образования информанта. В статье также комментируются наиболее близкие В. А. Морозову мотивы и образы народных частушек. Это мотив игры на гармонии, упоминание атрибутов военной службы, предметов модной в первой четверти XX века мужской одежды. Выявление важных для информанта мотивов и образов стало возможным при сопоставлении текстов, записанных его рукой, с записями текстов этого фольклорного жанра в исполнении его жены А. Н. Морозовой.

Ключевые слова: диалектная лингвоперсонология; коммуникативно-речевой портрет; язык фольклора; речевые формы культурной повседневности.

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Е. Н. Ильиной.

Введение

Одну из ключевых проблем отечественной лингвоперсонологии составляет описание феномена языковой личности переходного типа, в частности, коммуникативно-речевое портретирование языковой личности уроженца деревни, большую часть своей жизни прожившего в условиях урбанистической культуры. На материале севернорусских говоров об этом феномене весьма убедительно пишет С. А. Ганичева, исследующая устно- и письменно-речевой архив записей Николая Павловича Шаброва (1938–2022), автор опыта словаря языковой личности уроженца Кирилловского района

Вологодской области: в коммуникативно-речевом портрете информанта органично сочетаются составляющие языковой личности, владеющей родным белозерско-бежецким говором, обнаруживающей профессионально маркированные черты и явную склонность к творческой деятельности [1].

Цель статьи: изучение рукописного списка частушек В. А. Морозова как объекта лингвистического анализа. В практике изучения рукописного архива Василия Ардальоновича Морозова (1904–1980) мы столкнулись с подобными проблемами: с одной стороны, его записи обнаруживают очевид-

ное влияние его профессиональной деятельности (плотник, шкипер, счетовод, бухгалтер, начальник снабжения и пр.), с другой – являют собой образец вербализации региональной идентичности [2], свидетельствуют о том, что культурная повседневность семьи В. А. Морозова в значительной мере сохраняет черты сельского коммуникативно-речевого поведения. Доказательством этого суждения, на наш взгляд, является практика исполнения и собирания народных частушек, имеющих очевидную значимость для исследуемого нами рукописного архива. Это одна из четырех значительных по объему рукописных тетрадей В. А. Морозова, законченная после его смерти женой Александрой Никандровной. В ее исполнении записи частушек этого собрания были записаны и опубликованы в серии изданий «Народная речь вологодского края» в 2011 г. [3].

Вологодская частушка как объект лингвистического анализа

Частушка – это один из видов словесно-музыкального народного творчества задушевно-шутливого содержания. Это короткие рифмованные песенки, в большинстве случаев состоящие из четырех строк. Главное назначение частушки – это выражение определенного отношения к событиям и фактам, эмоциональный отклик, передача мыслей, чувств и настроений. Как самостоятельный фольклорный жанр частушка оформилась во второй половине XIX века, постепенно став самым массовым и популярным жанром русского фольклора [4]. Частушка возникла на стыке между городом и деревней. Первые частушки были записаны в уездных городах, бойких селах, расположенных на больших дорогах, в местах строительных работ, куда стекалось много народу. Позже исполнение частушек стало приметой сельской повседневности – не случайно собиратель междуреченских частушек В. А. Морозов в названии своего труда упоминает место наиболее активного исполнения, а в начале аудиозаписи исполнения этих песен его жена подчеркивает,

что исполнялись они во времена ее девичества в родной деревне.

В проблематике лингвофольклористики изучение сюжетно-тематической организации, образного строя и языка народных частушек занимает весьма прочные позиции, свидетельство тому – публикации С. П. Праведникова¹, И. А. Подюкова [5], С. И. Добровой [6], Ю. А. Эмер [7] и др., а на материале вологодских записей текстов этого жанра – работы В. В. Гуры [8], Л. Г. Яцкевич [9], А. А. Медведевой [10] и ряда других ученых. Наиболее полно язык вологодских частушек представлен в монографии Л. Г. Яцкевич «Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора»: на материале текстов частушек, собранных автором монографии в деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области, представлена лексикографическая классификация лексики и традиционных поэтических формул малых жанров фольклора, описана тематическая классификация частушек, а также типология лирических сюжетов в их основе, прокомментированы диалектные особенности лексического и грамматического уровней, зафиксированные собирателем. Выводы, сделанные Л. Г. Яцкевич в отношении шекснинских частушек, вполне справедливы и для тех, которые мы нашли в списке В. А. Морозова. Здесь также широко представлены лирические сюжеты: счастливая любовь (*Кудри вились, валились / На правое плечо. / Я в тебя-то, мой Васильюшка, Влюбилась горячо!*); долгая и крепкая дружба (*Задушевная подружка, / Только ты и на уме. / Обе ростиком одинакие, / И годики одне*). Творчески отражается богатая палитра любовных переживаний: от шутливого соперничества (*Я не баско нарядилась / На колодец за водой. / Подруга, модничай – не модничай, / Пойду на перебой*) до вечной разлуки (*Меня никто не пожалеет / Во своей родной семье. / Пожалел бы Ардальонович, / Да он в сырой земле*). Трагическое звучание приносят в текст частушки мотивы неудачной любви, женитьбы или замужества (*Я не знала, что такая / Вертоватая любовь. / Не дала бы*

¹Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество : учеб. для филол. спец. ун-тов. Москва : Высш. шк., 1983. 448 с.

сердцу волюшки / С семнадцати годов); ревности (Я иду, а мне навстречу / Супостатка с дорогим. / Конечно, жаль, да делать нечего – / Дала дорогу им); долгой разлуки или смерти близких людей (Пела – не напелася, / Ревела – наревелася, / Без милёночка живу, / Я горя натерпелася). В архиве семьи Морозовых, однако, преобладает оптимистическое начало (Глазки чёрные не смоешь / И платочком не сотрёшь! / Я бойка – меня не скроешь / И со мной не пропадёшь!), смеховые сюжеты (Милый губы растопырил, / Целовать меня хотел. / Я-то, дура, испугалась, / Думала, что чтоб не съел), образы счастливого, удачного семейного союза (Погляжу на дорогого / С ног и до головушки. / А мне не то что люб милой – / Любы и золовушки) – вполне вероятно, что эта избирательность определяется семейной историей информантов, свидетельства которой обнаруживаются в воспоминаниях младших родственников: «Женились бабушка и дед ещё в деревне и в ранней юности, поэтому за долгие годы супружества понимали друг друга хорошо. Однако бабушка была очень даже не робкого десятка, деду спуску не давала и с соседями, если кто-то что-то сделал не по черёдному, разбиралась тоже она <...> любила Шура своего Васю безоглядно, после его смерти ещё почти лет двадцать вдовствовала, несмотря на неоднократные предложения соседей-вдовцов – женщина она была яркая, бойкая, всегда опрятно и заметно одетая, несмотря на очень скромный семейный достаток».

Тексты частушек семейного архива Морозовых содержат те же типы фольклорной лексики, которые выделяются Л. Г. Яцкевич для собрания шекснинских частушек. Это устойчивые символы народной поэзии: вода (Сколько раз переходила / Эту воду, эту грязь! / Говорят, что на отчаянного / Дролю нарвалась); девушка (Полюбила тракториста, / Девушка гордилася. / Один вечер посидела – / Две недели мылася); мать (Я плясать-то не училась / И в театре не была: / Меня такую развесёлюю / Мамаша родила!); игра на гармонии (У меня милой гармоник, / Подталянивать горазд. / Заиграет с переводом, / Завлекает боле нас).

Это постоянные эпитеты (у куста малинова, сине море, сердцу ретивому и др.), фольклорные метафоры (вертоватая любовь) и слова в составе иных стилистических средств речевой выразительности (покатились мои слёзы / как по зеркалу вода; ветры буйные сказали: «Милого не ожидай!» и др.). Наконец, это слова – носители устойчивых поэтических мотивов (Чёрный ворон выпил воду – / Надо ворона убить; Как бы кустичек не мил – / Соловей гнезда не вил и др.).

На этом фоне обращают внимание локализмы, которые весьма широко представлены в частушках собрания семьи Морозовых: это местные топонимы (Не ищите меня дома, / А ищите где-нибудь, / Из-за старья любви / Буду в Сухоне тонуть); имена и отчества близких людей (Кудри вилися, валилися / На правое плечо. / Я в тебя-то, мой Васильюшка, / Влюбилась горячо!; Меня никто не пожалеет / Во своей родной семье. / Пожалел бы Ардальонович, / Да он в сырой земле); диалектные слова и грамматические формы (Поиграй повеселяя, / Веселя этого, / У дроли серые глаза – / Любила из-за этого!; Хотела баско нарядиться – / Отняла мама ключи, / Кашимировыя пару / Не дала оболочки). Расшифровка аудиозаписей частушек в исполнении А. Н. Морозовой обнаруживает высокую степень сохранности фонетических особенностей междуреченского говора: тол'к'о вышла на крыл'ачк'о / заиграл полюбайан // думала / што розорв'оццо / мойо с'эрцо пополам //; задушэвнайя / попл'ашом / по полу крашному / а мн'э н'эмногор'а надэ / с'эрцу роздражоному // и др.) [11, с. 13–21].

Рукописный список частушек как отражение лингвоперсонологических особенностей Василия Ардальоновича Морозова

Обращение к языковой личности В. А. Морозова в диалектологических исследованиях началось в 2011 г. публикацией отрывков из его воспоминаний Е. Н. Ильиной, продолжилось оно в исследованиях, посвященных феномену языковой картины мира вологодского крестьянина [12, 13], а также отразилось в монографии «Народная речь Воло-

годского края: опыт мужского речевого портрета», посвященной мужскому речевому портрету жителей Русского Севера [14]: публикацию материалов рукописного архива В. А. Морозова предваряет очерк Е. Н. Ильиной, в котором исследуются маркеры его региональной идентичности как ведущего идентификационного показателя личности. Подтверждение этого вывода можно найти

и в рукописной тетради, озаглавленной автором максимально точно по отношению к месту и времени бытования народных частушек: «Девичьи песни молодежи жителей времен 1900–1927 года Дараватского сельсовета Кожуховской Волости»¹. Отдельные страницы этой тетради, начатой В. А. Морозовым (рис. 1) и законченной А. Н. Морозовой (рис. 2.) после его смерти представлены ниже.

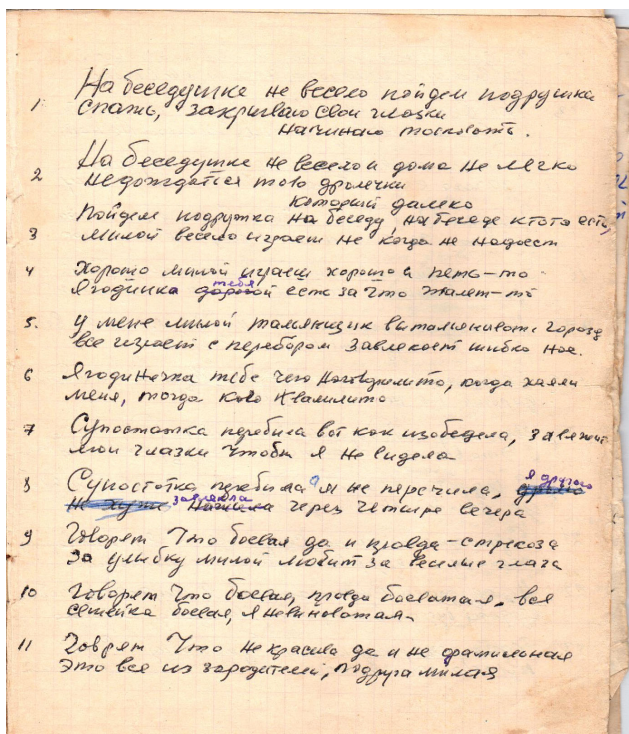

Рис. 1. Образец записи В. А. Морозова

Fig. 1. Sample recording by V. A. Morozov

Следует сразу сказать, что состав частушек, записанных В. А. Морозовым и его женой (в том числе в практике домашнего исполнительства), при всей общности сюжетно-тематической организации и языковой образности отчасти различается. В той части, которая записана В. А. Морозовым, значительно больше количество текстов связано с мотивами игры на гармонии (*Пойдем подружка на беседу, на беседе кто-то есть, милой весело играет не когда не надоест; Хорошо милой играеш хорошо и петь-то Ягодинка тебе (дорогой) есть за что жалеть-то; У меня милой тальянчик выталькивать горазд все играет с перебором увлекает шибко нас; Я тальяночку любила,*

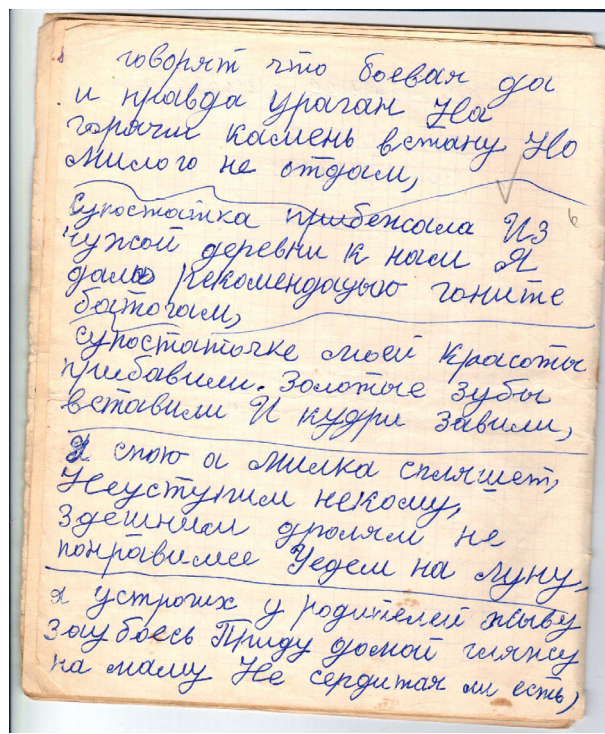

Рис. 2. Образец записи А. Н. Морозовой

Fig. 2. Sample recording by A. N. Morozova

тово боле игрока, меня дома не ругали за такого парнека; Задушевная попляшем поиграть кому велим поиграет Ягодиночка ему благодарим; Поиграй повеселее попою последний раз, голосу не пожалю Ягодиночка для вас; Еслиб я у вас Игровенький, Умочек знала бы не за что гулять не стала, сразу отказала бы и др.); возможности переписки между влюбленными (*Не пиши миленок писем, не пиши и не трудис, любви старой не воротиш, только сердце надсадиш; Не пиши милой письмо не расходиш (не доводи) карандаша Через письма Ягодиночка любовь не хороша; Письмецо было написано, положено в карман до письма словам не верила все думала обман и др.),* в этой

¹ Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2012. 96 с.

части списка чаще встречаются описания нарядной, модной (*Погляжу я в ту сторонушку разок да и другой Не алеет ли рубашка не идет ли дорогой; Жала жала рожь Зелену Нагибала веточку Не фуражку милый носит Серенькую кепочку*) или, наоборот, форменной мужской одежды (*Посмотрела бы тепере с зади на миленочка ему подстала ли шинель казенная винтовочка*). Системное нарушение норм орфографии и пунктуации в записях В. А. Морозова, с одной стороны, свидетельствует о недостаточном уровне его образования, с другой стороны, обнаруживает явное стремление информанта выделить в тексте коммуникативно значимые элементы – например, с помощью немотивированного введения заглавной буквы: *Не смотрите подозрительно тепере на меня все равно вы не узнаете в кого Я влюблена; Не сердитесь Супостаточка Я шуточку люблю сердится будеш, – выговаривать, на правду отобью; Задушевная попляшем поиграть кому велим поиграет Ягодиночка ему благодарим; Уважала Уважала, Уваженицо не в честь Наконец ему сказала, отойди как совесть есть; Вересовые кусточки скоро вы повянете, Хороша та приглядится, а Я худа вспомняется; Заговаривал упрашивал, одна ты у меня Оказалось у Игрового, двенадцатая – Я и др. Некоторые авторские написания явно отражают диалектное произношение: заударное ёканье (*дроля боёк, двух сударушок держать*), произношение полумягкого европейского L (*идти ул не идти*), – и сохранение в инвентаре языковых средств информанта диалектных грамматических форм: *не думают оне; не дала оболочки; наши дроли братовья; послать бы по его; простояла долго с вам; между камешкам бежать; сидиш глазкам не мигаючи* и др.*

Характеризуя языковую личность В. А. Морозова, следует сказать, что в его семье культивировалась практика домашнего исполнения. Об этом свидетельствуют воспоминания нескольких младших родственников информанта. Старшая дочь Морозовых Нина Васильевна Бородкина вспоминает, что отец Василий Ардальонович был хорошим гармонистом, играл по праздни-

кам для многочисленной родни, «*женщины плясали и пели частушки, подбадривая гармониста. А сколько они знали этих частушек – бесчисленное множество!!!*». О постоянном включении народных частушек в повседневное общение семьи рассказывают практически все внуки Василия Ардальоновича и Александры Никандровны: «*В доме Морозовых на Заболотном переулке часто пели – дед Василий самоучкой ещё в молодости освоил гармошку, а бабушка Шура имела хороший голос и знала бесчисленное количество частушек <...> Пели старики Морозовы не к случаю, а когда хотелось, даже вдвоём, а если собиралось гостей побольше, то пели частушки в очередь, либо сидя за столом, либо выходя на круг „подробить“. Бабушка и без зрителей, под настроение, могла спеть к случаю какую-нибудь ехидную коротушку вместо ответной реплики диалога, поддеть деда Василия, который дальше предпочитал не связываться и тихо убредал куда-нибудь в свою мастерскую*».

Е. Н. Ильина отмечает, что Александра Никандровна старалась оставить в памяти своих детей и внуков «северные русские старинные частушки», считая именно их своим главным наследством [15, с. 12], тогда как явления элитарной городской культуры оценивались супругами Морозовыми явно настороженно и неодобрительно: «*Что дед явно не понимал и не приветствовал, так это „городскую“ культуру, которую нельзя проверить наощупь и польза от которой ему была непонятна. Театры со всякими там балетами – зачем, если при большой необходимости можно посмотреть кино, а вообще есть радио, что надо – там расскажут, и песни тоже передают хорошие <...> Поездки к морю на всякие там курорты – там только деньги тратить, да разврат, да понос, если помидоров немых нажрёшься, да ребёнок заболеет. Мученье одно, сидите лучше дома!*»

Выводы

На основе знакомства со списком народных частушек из рукописного архива Василия Ардальоновича Морозова, а также воспоминаний о практике их исполнения

как значимой части часть культурной повседневности его семьи, можно сделать вывод о том, что В. А. Морозов являет собой тип севернорусской языковой личности с явным стремлением к лингвокреативной деятельности. Основу письменной речи В. А. Морозова составляет региональный вариант русского литературного языка со значительными включениями в него лексики и фразеологии вологодских говоров, отраженными в написании слов и построении предложений чертами диалектной грамматики. Многочисленные нарушения норм графики, орфографии и пунктуации в текстах рукописного архива свидетельствуют как о недостаточности регулярного образования автора, так и о поисках более действенных средств структурирования текста и выражения авторской интонации. Уроженец северной деревни, В. А. Морозов испытывает потребность зафиксировать на бумаге и передать следующим поколениям своей семьи не только описание истории рода (Памятка о прожитом), в том числе опыт личного участия в значимых исторических событиях XX века (Баржа № 13. Навигационные происшествия 1918–1919 г.), но и опыт лирического переживания межличностных отношений (Девичьи песни молодежи жителей времён 1900–1927 года Дараватского сельсовета Кожуховской волости).

Библиографические ссылки

1. Ганичева С. А. К вопросу о диалектной основе в языковой личности выходцев из деревни // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 6 (93). С. 43–54. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-4. EDN: GDTOMU
2. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография / Н. А. Волкова, С. А. Ганичева, А. В. Загуменнов [и др.] ; отв. ред. Е. Н. Ильина. Вологда ; Череповец : ВоГУ ; Череп. гос. ун-т, 2017. 232 с.
3. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии : сб. статей / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда : Легия, 2012. 96 с. EDN: VQCCEJ
4. Праведников С. П. О подготовке к изданию собрания курских частушек // Курское слово. 2021. № 23. С. 73–77.
5. Подюков И. А. Словотворчество в прикамском частушечном фольклоре: механизмы и функции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. № 1. С. 37–45. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-1-37-45
6. Доброва С. И. Звукосимволический образный параллелизм в фольклорном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 8. С. 2648–2655. DOI: 10.30853/phil20230414
7. Эмер Ю. А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре (когнитивно-дискурсивный анализ) : диссертация на соискание ученой степени д-ра филол. наук. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2011. 457 с.
8. Гура В. В. Вологодский край и его народная поэзия (История собирания и изучения) // Сказки, песни, частушки Вологодского края / сост. В. В. Гура ; под ред. В. В. Гура. Вологда : Северо-Западное книжное издательство, 1965. С. V–XX.
9. Яцкевич Л. Г. Квасюнинская поговорочка : язык малых жанров фольклора : монография / [науч. ред. Г. В. Судаков]. 2-е изд. Вологда : ВоГУ, 2017. 168 с.
10. Медведева А. А. Жанровые и региональные особенности языка частушек Шекснинского района Вологодской области : диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Вологда : Вологодский гос. ун-т, 2019. 218 с.
11. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии : сб. статей / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда : Легия, 2012. 96 с. EDN: VQCCEJ
12. Ильина Е. Н., Сабурова Л. В., Ганичева С. А. Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография. Ч. I. Домашние и дикие животные. Вологда : ВоГУ, 2019. Ч. 178 с.
13. Ильина Е. Н., Комиссарова Т. Г. Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография. Ч. II. Детство. Вологда : ВоГУ, 2019. 176 с.
14. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография / Н. А. Волкова, С. А. Ганичева, А. В. Загуменнов [и др.] ; отв. ред. Е. Н. Ильина. Вологда ; Череповец : ВоГУ ; Череп. гос. ун-т, 2017. 232 с.
15. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии : сб. статей / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда : Легия, 2012. 96 с. EDN: VQCCEJ

References

1. Ganicheva S.A. *K voprosu o dialektnoi osnove v yazykovoii lichnosti vykhodtsev iz derevni* [On the question of the dialect basis in the linguistic

personality of people from the village]. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2019, no.6 (93), pp. 43-54 (in Russ.). DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-4. EDN: GDTOMU

2. Volkova N.A., Ganicheva S.A., Zagumenov A.V., Il'ina E.N., Mel'nikova N.G.; otv. redaktor E.N. Il'ina. *Narodnaja rech' Vologodskogo kraja: opyt muzhskogo rechevogo portreta: monografiya* [Folk speech of the Vologda region: an experience of a male speech portrait: monograph]. Vologda, Cherepovets, VoSU, Cherepovets state University, 2017, 232 p. (in Russ.).

3. Eds. E.N. Ilyina. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: materialy po russkoi dialektologii*. [The folk speech of the Vologda Region: materials on Russian dialectology]. Vologda, Legia, 2012, 96 p. (in Russ.).

4. Pravednikov S.P. [On the preparation for publication of a collection of Kursk ditties]. *Kurskoe slovo*, 2021, no. 23, pp. 73-77. (in Russ.).

5. Podyukov I.A. [Word-making in the Kama chastushechny folklore: mechanisms and functions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2023, vol. 15, № 1, pp. 37-45. (in Russ.).

6. Dobrova S.I. [Sound-symbolic figurative parallelism in the folklore text]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2023, vol. 16, no. 8, pp. 2648-2655. (in Russ.).

7. Emer Yu.A. *Miromodelirovanie v sovremenom pesennom fol'klоре kognitivno-diskursivnyi analiz: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni d-ra filol. nauk* [World modeling in modern song folklore (cognitive-discursive analysis)] by directed parameters adjustment of the working layer of abrasive tool]. PhD thesis. Tomsk, Nats. research Volume. State University, 2011, 457 p. (in Russ.).

8. Gura V.V. *Vologodskij kraj i ego narodnaja poezija (Istorija sobiranija i izuchenija) // Skazki, pesni, chastushki Vologodskogo kraja* [Vologda Krai and its folk poetry. The history of collecting and studying]. Fairy tales, songs, ditties of the Vologda Krai (ed. by V.V. Gura). Vologda, 1965. p. V-XX. (in Russ.).

9. Yatskevich L.G. *Kvasyuninskaya pogovorochka : yazyk malykh zhanrov fol'klora: monografiya*. [Kvasyuninskaya proverb: the language of small genres of folklore, monograph (ed. G.V. Sudakov), M-in the image. and Sciences of the Russian Federation, Vologda State University, 2nd ed. Vologda, VSU, 2017, 168 p. (in Russ.).

10. Medvedeva A.A. *Zhanrovyje i regional'nye osobennosti yazyka chastushek Sheksninskogo raiona Vologodskoi oblasti* [Genre and regional features of the chastushka language of the Sheksninsky district of the Vologda region]. PhD thesis. Vologda, Vologda State University, 2019, 218 p. (in Russ.).

11. Eds. E.N. Ilyina. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: materialy po russkoi dialektologii*. [The folk speech of the Vologda Region: materials on Russian dialectology]. Vologda, Legia, 2012, 96 p. (in Russ.).

12. Ilyina E.N., Saburova L.V., Ganicheva S. A. *Jazykovaya kartina mira vologodskogo krest'janina: monografiya. Chast' I. Domashnie i dikie zhivotnye* [The linguistic picture of the Vologda peasant's world: a monograph. Part I. Domestic and wild animals]. Vologda, VSU, 2019, 178 p. (in Russ.).

13. Ilyina E.N., Komissarova T.G. *Jazykovaja kartina mira vologodskogo krest'janina : monografiya. I. Domashnie i dikie zhi-votnye* [The linguistic picture of the Vologda peasant's world: a monograph. Part II. Childhood]. Vologda, VSU, 2019, 176 p. (in Russ.).

14. Volkova N.A., Ganicheva S.A., Zagumenov A.V., Il'ina E.N., Mel'nikova N.G.; otv. redaktor E.N. Il'ina. *Narodnaja rech' Vologodskogo kraja: opyt muzhskogo rechevogo portreta: monografiya* [Folk speech of the Vologda region: an experience of a male speech portrait: monograph]. Vologda, Cherepovets, VoSU, Cherepovets state University, 2017, 232 p. (in Russ.).

15. Eds. E.N. Ilyina. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: materialy po russkoi dialektologii*. [The folk speech of the Vologda Region: materials on Russian dialectology]. Vologda, Legia, 2012, 96 p. (in Russ.).

M. Ye. Solodyagina, Applicant
Vologda State University, Vologda, Russia

GIRLISH SONGS OF THE YOUTH OF THE INHABITANTS OF THE TIMES OF 1900 – 1927 OF THE DARAVATSKY VILLAGE COUNCIL OF KOZHUKHOV VOLOST IN THE PRACTICE OF COMMUNICATIVE AND SPEECH PORTRAITURE THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A NATIVE OF THE NORTHERN VILLAGE

The article implements the problems of dialect linguistic personology, it solves the problem of communicative and speech portrayal of the linguistic personality of Vasily Ardalyonovich Morozov (1904-1980) on the basis of a linguistic analysis of his handwritten archive and memories of his children and grandchildren. Considerable attention is paid in this article to the handwritten list of Vologda ditties – one of the significant components of the studied manuscript archive, which is important both for studying the traditional spiritual culture of the Russian North and for describing the cultural life of the Morozov family in rural and urban everyday life. Based on the study of the handwritten list of ditties, the phonetic, lexical and grammatical features of dialect origin characteristic of the author of the manuscript, reflected in written speech, characterizing V.A. Morozov as a native speaker of the northeastern (Vologda) dialects of the northern dialect of the Russian language, are revealed. The list of folk songs represents the distinctive features of the author's graphics and spelling, on the one hand, showing the utmost accuracy in presenting the factual component of the manuscript, and on the other, allowing numerous spelling and punctuation errors, the presence of which reveals a clear lack of education of the informant. The article also comments on the motifs and images of folk ditties closest to V.A. Morozov. This is the motif of playing the accordion, mentioning the attributes of military service, as well as items of men's clothing fashionable in the first quarter of the twentieth century. The identification of motives and images important to the informant became possible by comparing the texts written by his hand with the recordings of texts of this folklore genre performed by his wife A.N. Morozova.

Keywords: dialect linguopersonology; communicative and speech portrait; folklore language; speech forms of cultural everyday life.

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor E.N. Ilyina.

Получена: 19.06.2024
ГРНТИ 16.31.02

Образец цитирования

Солодягина М. Е. Девичьи песни молодежи жителей времен 1900–1927 гг. Дараватского сельсовета Кожуховской волости в практике коммуникативно-речевого портретирования языковой личности уроженца северной деревни // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2024. Т. 20, № 3. С. 129–136. DOI: 10.22213/2618-9763-2024-3-129-136.

For Citation

Solodyagina M.Ye. [Girlish songs of the youth of the inhabitants of the times of 1900-1927 of the Daravatsky village council of Kozhukhov volost in the practice of communicative and speech portraiture the linguistic personality of a native of the northern village]. *Social'no-ekonomiceskoe upravlenie: teoria i praktika*, 2024, vol. 20, no. 3, pp. 129-136 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2024-3-129-136.